

SHISHKOV
"ZAPISKI. I"

ЗАПИСКИ, МНѢНІЯ И ПЕРЕПИСКА

АДМИРАЛА

А. С. ШИШКОВА.

ИЗДАНИЕ

Н. КИСЕЛЕВА И Ю. САМАРИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Грубая правда сильнее дѣйствуетъ надъ умами
и сообразнѣе съ благодушіемъ человѣческимъ,
нежели мягкая лесть или учтивая ложь, вне-
дряющая всегда подозрѣніе скрывающейся въ
нихъ слабости или обмана.

(Записки Шишкова, т. I, стр. 278.)

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG.

(E. BOCK.)

27. UNTER DEN LINDEN.

1870.

ТИПОГРАФІЯ І. С. СКРЕЙШОВСКАГО, ВЪ ПРАГѢ.

Slaw 1148,3

Harvard College Library

JUN 2 1914

Gift of

Prof. A. C. Coolidge

(2 vols)

Издатели сохраняют за собой право перевода и перепечатанья.

Покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ хотѣлъ, чтобы неизданныя части Записокъ А. С. Шишкова не появлялись въ печати, при жизни московскаго митрополита Филарета. Наслѣдники адмирала строго выполнили Высочайшую волю и взятое съ нихъ обѣщаніе. Все, что доселѣ помещалось изъ Мнѣній и Записокъ Шишкова въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, печаталось безъ ихъ участія, не съ подлинниковъ, а со списковъ, какъ кажется распространенныхъ самимъ авторомъ. Теперь изданіе рукописей его, въ полномъ ихъ составѣ, какъ нельзя болѣе своевременно. Онѣ не потревожатъ ничьяго самолюбія и, какъ матерьялъ чисто историческій, обогатятъ нашу литературу обильнымъ запасомъ новыхъ фактовъ и свидѣтельствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ столкновенія смутныхъ стемленій въ послѣдніе года царствованія императора Александра Перваго сдѣлались у насъ предметомъ особенно внимательнаго изслѣдованія, имя Шишкова, игравшаго столь вліятельную роль въ судьбахъ русскаго просвѣщенія, стало все чаще и чаще повторяться; но, къ сожалѣнію, благодаря пристрастію и односторонности, мало было приложено старанія, чтобы выяснитъ личность, во всякомъ случаѣ достойную болѣе совѣстливой оцѣнки. Нелицепріятный судъ исторіи конечно не упуститъ изъ вида правдивости подсудимаго и безупречной честности его служенія тѣмъ началамъ, которыя были для него святыней.

Издатели.

20

С О Д Е Р Ж А Н І Е

перваго тома:

	Стр.
I. Записки (1780—1814)	1.
II. Письма къ женѣ (1813—1814)	311.
III. Приложенія	421.

~~~~~

Подстрочныя примѣчанія, подъ звѣздочками, принадлежатъ автору „Записокъ“; остальные, для отличія обозначенныя цифрами, и напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, составлены однимъ изъ издателей, Н. Киселевымъ.

I.

З А П И С К И

(1780—1814.)

Въ иномъ мѣстѣ ¹⁾, описать я бывшія со мною въ молодости моей приключенія, а именно: рожденіе мое ²⁾, домашнее воспитаніе, бытность мою въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, упражненія въ наукахъ и словесности, путешествія мои въ Швецію, въ Данію, въ Италію, въ Архипелагъ, въ Константинополь и проч.. Теперь приступаю къ описанію важнѣйшей части моей жизни, начинающейся съ кончиною императрицы Екатерины Великой. Но прежде долженъ я обратиться къ прошедшему и сказать нѣчто о нужныхъ для свѣденія обстоятельствъ, въ казихъ я тогда находился.

При открытіи въ Петербургѣ намѣстничества, Екатерина путешествовала ³⁾. Въ сіе время, директоромъ театра былъ Василій Ильичъ Бибииковъ ⁴⁾. Ему захотѣлось, чтобъ, въ день сего торжественнаго открытія, представлено было на придворномъ театрѣ, въ честь ей, какое нибудь новое зрѣлище. Недавно предъ тѣмъ случилось, что взятый въ плѣнъ русскій солдатъ, проданный Турками Алжирцамъ, написалъ оттуда къ императрицѣ письмо, прося о выкупѣ его изъ неволи. Она послала нѣкоторое знатное число денегъ съ тѣмъ, чтобъ не только солдатъ сей, но и другіе, находящіеся въ неволѣ, христіане были выкуплены. Бибииковъ

---

¹⁾ Эта часть издаваемыхъ нынѣ Записокъ Шишкова озаглавлена въ рукописи такъ: Остальная половина моей жизни. На переплетѣ 1-й книжки отиѣчено авторомъ: начата въ 1828 году. Разсказа о первой половинѣ его жизни, къ сожалѣнію, не находится между принадлежащими намъ рукописями (всего 18 книжекъ разнаго формата).

²⁾ Шишковъ родился 16-го марта 1753 г., умеръ 9-го апрѣля 1841 г..

³⁾ Открытіе петербургскаго намѣстничества происходило въ 1780 г.. Екатерина, въ это время, ѣздила въ Могилевъ, для свиданія съ императоромъ Іосифомъ II, который, въ этотъ первый свой пріѣздъ въ Россію, посѣтилъ, по приглашенію императрицы, Москву, Тулу и Петербургъ.

⁴⁾ Братъ знаменитаго Александра Ильича. Отецъ Бибииковыхъ былъ женатъ на двоюродной теткѣ Шишкова, Варварѣ Никитишнѣ Шишковой.

счелъ за приличное сей щедрый поступокъ ея прославить. Онъ уговорилъ меня (я былъ тогда въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ офицеромъ) написать маленькую на сей случай драму, подъ названіемъ „Невольничество“¹⁾. Піеса сія, въ день открытія намѣстничества, представлена была во дворцѣ, на театрѣ. Роль солдата игралъ знаменитый актеръ Дмитревскій. Сѣзъ былъ чрезвычайный. Фельдмаршалъ Голицынъ²⁾, облеченный тогда въ санъ намѣстника, и всѣ знатные чины, и дворянство поставляли, сколько изъ любопытства, столько же и за должное, быть зрителями сего торжественнаго представленія, сыграннаго съ немалымъ успѣхомъ. Чрезъ нѣсколько времени, императрица возвращается изъ своего путешествія. Бибиковъ снова затѣваетъ сыграть сію драму. Даютъ ее, но уже не во дворцѣ, а на маленькомъ частномъ театрѣ, назначая собранныя за то деньги употребить на выкупъ людей, сидящихъ за долги въ темницѣ³⁾. Поутру, въ день представленія, великій князь Павелъ Петровичъ, наслѣдникъ престола, присылаетъ нѣкоторое число денегъ, съ извѣщеніемъ, что онъ самъ будетъ въ театрѣ. (Во время перваго представленія, онъ былъ отсутственъ изъ Петербурга.) Между тѣмъ, въ обыкновенное время, то есть за нѣсколько минутъ до поднятія занавѣса, я прихожу въ директорскую ложу. Бибиковъ, озабоченный ожиданіемъ великаго князя, вдругъ оборотясь ко мнѣ, сказалъ: „Ахъ! что мы сдѣлали!“ — „Что такое?“ спросилъ я, удивясь. — „Какъ же?“ отвѣчалъ онъ: „въ драмѣ прославляются дѣла императрицыны, а о великомъ князѣ не сказано ни слова!“ — Онъ побѣждалъ было къ Дмитревскому убѣдить его, чтобъ онъ, хотя въ промежуткахъ, прибавилъ отъ себя что нибудь, въ честь его высочеству; но, въ то самое время, великій князь пріѣхалъ; и піеса тотчасъ началась. Послѣдствіе времени показало мнѣ, что безпокойство Бибикова было не безъ основанія. Великій князь крайне былъ мною недоволенъ. Я не только слышалъ это отъ людей; но и самъ собою извѣдалъ. Къ нему ежедневно повѣщали морскихъ офицеровъ на дежурство⁴⁾. Я скорѣ послѣ того повѣщенъ былъ въ первый разъ. Онъ вышелъ и, узнавъ о имени моемъ, спросилъ: не тотъ ли это, который сочинилъ драму? Ему сказали: тотъ

¹⁾ См. Собр. Сочин. и Перевод. адм. Шишкова, ч. XII.

²⁾ Кн. Александръ Михайловичъ, покоритель Хотина.

³⁾ Въ „Предувѣдомленіи“ къ своей драмѣ, Шишковъ говоритъ, что этииъ представленіемъ собрано было 18000 руб., которыми освобождено множество мелкихъ должниковъ, на сумму, простиравшуюся до 60000 руб..

⁴⁾ Павелъ Петровичъ носилъ званіе генералъ-адмирала.

самый. Онъ взглянулъ на меня весьма сурово и, во весь день, проходя мимо меня часто, не удостоилъ ни однимъ словомъ. Сначала безпокоился я тѣмъ, но послѣ, по прошествіи довольно долгаго времени, пересталъ о томъ думать.

Я, въ сіе время, по усердію моему къ морской службѣ, занимался сочиненіемъ и переводомъ учебныхъ по сей части книгъ. Составлялъ „Морской словарь“¹⁾ и перевелъ съ французскаго языка „Морское искусство“ (*l'Art de la marine, par Romme*)²⁾: обѣ весьма полезныя книги, но требовавшія многихъ трудовъ. Война со Швеціею отвлекла меня, на нѣсколько времени, отъ сихъ упражненій, но потомъ, по заключеніи мира, опять обратился я къ онимъ.

По окончаніи перевода вышеозначенной книги, подъ названіемъ „Морское искусство,“ едва добился я, что приказано было ее напечатать. Сперва отнесся я о томъ къ адмиралу Василию Яковлевичу Чичагову, гремѣвшему тогда недавними побѣдами³⁾, и съ которымъ служу вмѣстѣ, приобрѣлъ я его къ себѣ благоволеніе. Онъ обѣщалъ ходатайствовать обо мнѣ; но узнавъ, что директоръ морскаго кадетскаго корпуса, Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, мой свойственникъ⁴⁾, не доволенъ былъ тѣмъ, что я не къ нему прежде прибѣгнулъ, охладѣлъ въ желаніи мнѣ покровительствовать; а тотъ напротивъ, въ нѣкоторомъ неудовольствіи на меня, и опасаясь притомъ досадить Чичагову, отрицался также употребить свое обо мнѣ ходатайство. Такимъ образомъ, въ семь ихъ несчастномъ для меня состязаніи, принужденъ я былъ таскаться къ секретарямъ императрицынымъ, не знавшимъ

¹⁾ Трехязычный морской словарь Шишкова (на англійскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ) напечатанъ въ 1795 г.; изданъ вновь съ дополненіями, въ 1832—1840 г. г., ученымъ комитетомъ главнаго морскаго штаба.

²⁾ Выборъ книги Ромма былъ весьма удаченъ; французскіе моряки пользуются ею и въ настоящее время. — Братъ этого Ромма, математикъ Жильберъ Роммъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ республиканцевъ, членъ законодательнаго собранія, членъ конвента, заколовшій себя, въ 1795 г., ударомъ кинжала, тотчасъ по выслушаніи смертнаго приговора, — былъ наставникомъ въ домѣ Строгонова. Не можемъ утвердительно сказать, кто былъ питомцемъ его; — полагаемъ, что гр. Павелъ Александровичъ, молодой любимецъ императора Александра; потому что биографъ Ромма (*Diction. génér. de biographie et d'histoire, par Dezobry et Bachelet. 1863*) называетъ его графомъ; изъ всѣхъ же Строгоновыхъ только Александръ Сергѣевичъ и его сынъ носили тогда графскій титулъ.

³⁾ Надъ Шведами, въ 1789 и 1790 гг..

⁴⁾ Одна изъ сестеръ А. И. Бибикова (см. выше), Евдокія, была замужемъ за адмираломъ Голенищевымъ Кутузовымъ; другая, Екатерина, вышла за кн. Кутузова Смоленскаго.

ни меня, ни пользы и многотрудности моихъ упражненій, а потому и принимавшимъ меня, какъ обыкновенно принимаютъ незнакомыхъ просителей, съ такою холодною, которая наводила мнѣ крайнюю непріятность. Однакожъ наконецъ кое-какъ доведено было сіе до свѣденія императрицы; и она приказала книгу мою издать въ свѣтъ ¹⁾).

Скоро послѣ того случилось мнѣ быть у сотоварища моего, Григорія Григоріевича Кушелева²⁾, съ которымъ мы вмѣстѣ были кадетами, и хотя на долгое время потомъ разстались, однакожъ прежнія пріязнь и знакомство оставались въ насъ неистребленными. Онъ изъ отставки случайно былъ взятъ къ великому князю и находился при немъ. По дошедшему о книгѣ моей и другихъ трудахъ разговору, присовѣтоваль онъ мнѣ поднести ее великому князю и обѣщаль доложить о семъ, какъ скоро я вторично у него побываю. Черезъ нѣсколько дней пришелъ я къ нему съ книгою. Онъ доложилъ обо мнѣ, и меня тотчасъ позвали. Кушелевъ предупѣдомилъ меня, чтобъ я, при подаваніи книги, не забылъ стать на одно колѣно и поцѣловать у него руку. Я вошелъ, и когда сталъ припадать на колѣно, то великій князь приподнялъ меня, далъ поцѣловать руку и, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, сказалъ мнѣ: „Очень благодаренъ вамъ, что вы удостоили меня поднесеніемъ вашихъ трудовъ.“ — Потомъ взялъ книгу и, разсматривая чертежи ея, спрашивалъ съ великою подробностью о каждомъ изъ нихъ. Въ сіе время, имѣлъ я случай сказать ему и о другихъ предпріятыхъ, но еще неоконченныхъ трудахъ. Онъ спросилъ меня: давно ли я упражняюсь? и когда я отвѣчалъ ему, что уже болѣе пятнадцати лѣтъ, то онъ, взглянувъ на меня, сказалъ: „Мнѣ кажется, вы нездоровы: лице ваше то показываетъ.“ — „Дѣйствительно, государь, я очень нездоровъ.“ — „Кто васъ лечитъ?“ — „Почти никто; я весьма рѣдко прибѣгаю къ лекарствамъ.“ — „Конечно труды и сидячая ваша жизнь тому причиною.“ — „Можетъ быть, государь; я самъ это полагаю.“ — „Вѣрно вы поднесли книгу свою тамъ?“ — Сей послѣдній вопросъ при-

¹⁾ „Морское искусство“ напечатано въ 1793 г..

²⁾ Онъ находился при наслѣдникѣ, въ чинѣ полковника; тотчасъ по вступленіи на престолъ, Павелъ Петровичъ пожаловалъ своего гатчинскаго любимца въ генералъ-маіоры; нѣсколько мѣсяцевъ спустя — въ вице-адмиралы, затѣмъ въ адмиралы, съ назначеніемъ въ должность вице-президента адмиралтейской коллегіи. Въ 1799 г., Кушелевъ былъ уже графомъ и андреевскимъ кавалеромъ. Вѣрный своему девизу-единому преданъ, онъ не остался на службѣ, послѣ кончины Павла, и умеръ въ отставку, въ 1833 г..

велъ меня въ нѣкоторое сомнѣніе; однакожь догадываясь, что слово *тамъ* не могло инаго значить, какъ императрицу, я отвѣчалъ ему: „поднесъ.“ — „Давно ли вы поднесли?“ — „Уже болѣе двухъ мѣсяцовъ.“ — „Чтожь вамъ сказали?“ — Тутъ отвѣчалъ я ему: „Ваше императорское высочество, я не имѣю никого у себя покровителей; книгу свою отдалъ я, черезъ другихъ, князю Платону Александровичу Зубову; онъ не знаетъ меня, и я не вѣдаю, дошла ли она до рукъ ея величества.“ — При сихъ словахъ онъ громно засмѣялся и сказалъ мнѣ: „Какъ, сударь? такъ вы совсѣмъ о томъ и не знаете?“ — „Не знаю, государь.“ — „Хорошо же награждаются труды!“ — Здѣсь онъ снова засмѣялся и, отпуская меня, повторилъ прежнія свои слова: „Я вамъ очень, очень благодаренъ!“ — Но, казалось, произнесъ ихъ благоклоннѣйшимъ голосомъ. Я преклонилъ опять колѣно, поцѣловалъ у него руку и вышелъ вонъ.

Спустя нѣсколько времени, по кознямъ Рибаса ¹⁾, Грибовскаго ²⁾ и другихъ противъ вице-адмирала Николая Семеновича Мордвинова, начальствовавшаго въ Крыму ³⁾, князь Зубовъ названъ главнымъ начальникомъ надъ черноморскимъ флотомъ ⁴⁾. Не знаю по какимъ судьбамъ, призываетъ онъ меня къ себѣ и спрашиваетъ: хочу ли я быть при немъ правителемъ канцеляріи его, по

---

¹⁾ Испанецъ, рожденный въ Неаполѣ, впослѣдствіи извѣстный строитель Одессы, началъ свою карьеру услугами Алексѣю Орлову, во время поминки самозванки Таракановой; былъ покровительствованъ Бецкимъ, на побочной дочери котораго (умной и образованной камеръ-юнгферъ, Анастаси Ивановѣ Соколовой, прозванной, при Екатерининскомъ дворѣ, *mademoiselle Baby*) онъ женился; сумѣлъ найти болѣе могущественнаго покровителя въ лицѣ Потемкина; по смерти послѣдняго, онъ оказался въ числѣ любимцевъ Зубова, что однако не помѣшало ему, какъ увидитъ читатель „Записокъ“, войти въ довѣренность императора Павла.

²⁾ Адрианъ Моисеевичъ, авторъ извѣстныхъ „Записокъ объ Екатеринѣ Великой“, былъ прежде секретаремъ Державина, въ бытность сего олонекскихъ губернаторомъ; потомъ находился, при Потемкинѣ, составителемъ военноположнаго журнала; послѣ того управлялъ дѣлами, возложенными на кн. Зубова; а съ 1795 г., состоялъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, не прекращая своихъ занятій по канцеляріи фаворита.

³⁾ Мордвиновъ предсѣдательствовалъ въ Черноморскомъ адмиралтейскомъ правленіи; впослѣдствіи былъ адмираломъ, морскимъ министромъ и графомъ; заслужилъ извѣстность своимъ умомъ и прямотошествомъ; умеръ 90-лѣтнимъ старцемъ, въ 1845 г..

⁴⁾ Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 19 іюля 1796, кн. Зубовъ, въ своемъ управленіи черноморскими флотами, былъ совершенно отдѣленъ отъ зависимости отъ адмиралтейской коллегіи.

сей части? Это было такое мѣсто, на которое многіе смотрѣли завидными глазами; и потому отвѣтъ мой не могъ быть иной, какъ тотъ, что я за счастіе почту находиться при его свѣтлости. Послѣ сего неожиданнаго мною предложенія, пошелъ я къ Кушелеву и пересказалъ ему оное. Онъ присовѣтовалъ мнѣ спроситься о томъ у великаго князя, какъ у генераль-адмирала, сказывая, что онъ конечно сему не воспрепятствуетъ; но ему пріятно будетъ, что это не безъ его воли сдѣлается. Я послушалъ его: поручилъ ему испросить сіе позволеніе; и онъ, на другой же день, увѣдомилъ меня о благоволительномъ на то его высочества отзывѣ. Такимъ образомъ, перешелъ я изъ балтійскаго флота въ черноморскій тѣмъ же чиномъ, то есть капитаномъ втораго ранга (подполковникомъ), съ порученіемъ управлять канцелярією князя Зубова. Сіе новое званіе налагало на меня долгъ сблизиться и познакомиться съ тѣми, которые давно уже находились при князѣ, или имѣли особенный къ нему доступъ, какъ-то правитель дѣлъ его, полковникъ Грибовскій, и вице-адмиралъ Рибасъ. Я посѣтилъ перваго изъ нихъ, съ которымъ никогда прежде не былъ знакомъ. Онъ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, началъ тотчасъ говорить о черноморскомъ флотѣ, о Крымѣ, о великихъ денежныхъ издержкахъ, о беспорядкахъ, тамъ существующихъ, и проч.. Я слушалъ съ терпѣливостью и молчалъ, почитая за ненужное и несовмѣстное защищать Мордвинова противъ человѣка, повидимому весьма къ нему не благорасположеннаго, но не столь хитраго, чтобы много повредить ему могъ; ибо мнѣ казалось, что онъ избралъ ненадежное, скорѣе противъ него самаго дѣйствующее средство, — при первомъ свиданіи увѣрить меня о корыстолюбивомъ и худомъ правленіи того, кто знаніями и достоинствами своими былъ извѣстенъ, и котораго сверхъ сего почиталъ я своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Совсѣмъ противно тому поступилъ Рибасъ, когда я, въ первый разъ, къ нему пріѣхалъ: онъ началъ мнѣ говорить о Мордвиновѣ, съ такою похвалою, съ такимъ къ нему уваженіемъ, что, при всемъ знаніи существовавшего между ими несогласія, трудно было усумниться въ его чистосердечіи. Напоследокъ, по долгихъ разсказахъ о глубокихъ свѣденіяхъ Мордвинова, о кротости нрава его, о справедливости и рѣдкой честности, онъ со слезами сказалъ мнѣ: „Вы не можете себѣ представить, до какой степени почитаю я за несчастіе, что не могъ снискать его дружбы. Онъ отказалъ мнѣ въ ней, сказавъ, что никогда не будетъ мнѣ врагомъ, но что и другомъ быть не можетъ. Онъ писалъ къ императрицѣ письмо, въ которомъ говорилъ обо мнѣ, что я съ большими

дарованіями и способностями, но что мнѣ важныхъ дѣлъ, касающихся до блага отечества, ввѣрять и поручать не должно. Я самъ письмо сіе читалъ; и хотя оно не перемѣнило моего къ нему почтенія, однакожъ я послѣ сего не могъ оставаться подъ его начальствомъ и просилъ объ отзывѣ меня изъ Крыма. Сей случай, конечно, долженъ былъ произвести нѣкоторое взаимное между нами неудовольствіе. Я знаю, что вы съ нимъ дружны. Не подумайте, чтобъ я искалъ разрушить вашу съ нимъ пріязнь, или бы досадовалъ на нее. Напротивъ, вы вашею къ нему привязанностью умножаете мое къ вамъ уваженіе. Я прошу только объ одномъ, чтобъ дружба ваша къ нему не препятствовала вамъ и ко мнѣ ее имѣть. Вы теперь опредѣлились къ князю Зубову: онъ со мною весьма хорошъ; я могу быть вамъ сколько нибудь полезенъ; и думаю, что и самъ Мордвиновъ, по доброжелательству своему къ вамъ, не захотѣлъ бы, чтобъ мы съ вами были въ какомъ либо несогласіи.“ — Я поблагодарилъ его за сдѣланную мнѣ откровенность и толь лестный для меня вызовъ, обѣщая съ моей стороны приложить всякое стараніе, чтобъ сдѣлаться достойнымъ его ко мнѣ благорасположенія. Между тѣмъ, идучи отъ него, думалъ я: этотъ гораздо смѣтливѣе и опаснѣе перваго! Тутъ вспомнилъ я слова Суворова, который, сказываютъ, говаривалъ о Михаилѣ Ларіоновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ: „Его и Рибасъ не обманетъ.“

Черезъ нѣсколько потомъ дней, нѣкоторая особа, разговаривая со мною, дала мнѣ, подъ видомъ усердія, знать, что хотя я и взять къ князю, но не буду пользоваться его довѣренностью и едва ли останусь при немъ, если не сдѣлаюсь единодушенъ съ Грибовскимъ, а особливо съ Рибасомъ, и не отрекусь отъ дружбы съ Мордвиновымъ. Я зналъ, что это ихъ вопросъ, и что отвѣтъ мой будетъ имъ пересказанъ; однакожъ не остановился отвѣчать, что я еще отнюдь не знатный, ниже какой либо важный человѣкъ; но ежелибъ когда и сдѣлался такимъ, то первые мои друзья всегда будутъ честь и правда, которымъ я ни для кого не измѣню. Вскорѣ послѣдствіе показало мнѣ, что неподатливость моя къ симъ предложеніямъ не могла мнѣ быть полезна: князь хотя и приказалъ мнѣ къ себѣ ходить и сначала сталъ было поручать нѣкоторыя маловажныя дѣла, но послѣ, въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, почти никогда не удостоивалъ меня какимъ либо своимъ приказаніемъ или разговоромъ; такъ что я, при разстроенномъ здоровьѣ моемъ, видя себя не употребляемымъ, часто увольнялъ себя отъ поѣздокъ къ нему. Онъ жилъ во дворцѣ. Въ